

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Хуснулин А.Р. Формирование советской промысловой кооперации как составной части военно-промышленного комплекса СССР на рубеже 1920-х–1930-х гг // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.76160 EDN: NCMDBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76160

Формирование советской промысловой кооперации как составной части военно-промышленного комплекса СССР на рубеже 1920-х–1930-х гг.

Хуснулин Артур Равилевич

аспирант, кафедра Исторической информатики; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д.27, корп.4, каб. Г-423

✉ komrad.camensky@yandex.ru

[Статья из рубрики "Экономическая история, история предпринимательства"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.76160

EDN:

NCMDBC

Дата направления статьи в редакцию:

07-10-2025

Дата публикации:

18-10-2025

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы оформления концепции применения предприятий советской промысловой кооперации для военно-промышленного производства, а также освещаются некоторые практические шаги руководства советских партии и правительства в этом направлении. Благодаря вовлечению в научный оборот ранее обойдённых исследовательским вниманием делопроизводственных документов Военного ведомства, Всероссийского союза промысловой кооперации и Совета Народных Комиссаров РСФСР из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, а также Российского государственного военного архива предпринимается попытка охарактеризовать основные тенденции в процессе включения кооперативной

промышленности в Военно-промышленный комплекс СССР. Цель изучения процесса привлечения промкооперации к работе на оборону страны выполняется посредством определения основных форм военного производства, а также выявления специфики этого производства в случае с артелями кустпромкооперации. Работа построена на историко-описательном методе; в процессе выполнения исследования автором был применён метод ГИС-картографирования с помощью программного пакета QGIS в целях визуализации обнаруженной в документах информации. Благодаря проведённому анализу автор делает вывод о сопоставимости советской промысловой кооперации с государственной промышленностью с точки зрения нормативно-правовых актов, регулировавших вопросы военно-промышленного производства, в части бронирования рабочей силы на предприятиях, продовольственного обеспечения работников мастерских промартелей, занятых выпуском военных товаров, а также снятия налогового бремени на товары и услуги правительственного назначения. Вместе с тем документы свидетельствуют, что уже на рубеже 1920–1930-х гг. промкооперация столкнулась с проблемой отсутствия сырья и полуфабрикатов для качественного и своевременного производства в интересах армии и флота, в то время как государство, формально обещая помощь в ускоренных поставках этого сырья, на деле её не оказывало, что негативным образом сказывалось на показателях выпуска военных изделий.

Ключевые слова:

Промысловая кооперация, кустпромкооперация, артели, кооперативная промышленность, Военно-промышленный комплекс, ВПК, военная тревога, мобилизация, мобпланы, военные заказы

26-го декабря 1926 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский представил на очередном заседании Совета труда и обороны (далее – СТО) доклад, в котором излагались принципы обороны СССР, актуальное состояние данной обороны и ключевые перспективы её укрепления. В этом докладе содержались весьма неприятные факты, свидетельствовавшие о критически опасных проблемах в советском оборонном строительстве – как указано в рукописи Тухачевского, дела с военно-промышленным строительством, конкретнее с мобилизационной подготовкой народного хозяйства страны, были плачевными, поскольку «скудных боевых мобилизационных запасов» Советского Союза едва хватило бы на первый период войны. По мнению военного, страна смогла бы держать оборону лишь при условии «высокой мобилизационной готовности» вооружённых сил, железнодорожного транспорта и промышленности. Вывод начштаба РККА относительно готовности страны был категоричным: «В настоящее время ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы» [\[1, л. 396\]](#). Единственное, что могло в тех реалиях помочь армии и стране выстоять в борьбе при подобных крайне неблагоприятных условиях, это индустриализация и заблаговременное мобилизационное планирование народного хозяйства в целях обслуживания вооружённых сил в деле обороны [\[1, л. 395–396\]](#).

Признание на столь высоком уровне факта вопиющих проблем с подготовкой страны к потенциальным конфликтам, угроза возникновения которых на тот момент считалась весьма реальной, вылилось в создание принципиально новых органов мобилизационного планирования, военно-промышленного строительства и оборонной аналитики: Распорядительного заседания СТО (далее – РЗ СТО) в феврале 1927 г. и Сектора

обороны Госплана СССР в том же году [\[2, с. 192\]](#). С этих мер начался принципиально новый этап оборонного строительства в Советском Союзе, основы которого будут иметь непосредственное влияние на социалистическую экономику и её подготовку к грядущей Второй мировой войне; с этого момента ряд специалистов-историков отсчитывает начало создания военно-промышленного комплекса СССР.

К настоящему времени историческая наука располагает обширной историографией [\[3, 4, 5, 6, 7, 8, 9\]](#) по теме советского военно-промышленного производства, мобилизационного планирования и создания военно-промышленного комплекса применительно к рубежу 1920–1930-х гг. Однако практически вся перечисленная литература посвящена государственной промышленности, находившейся, употребляя категории конституционного права той поры, в «социалистической собственности»; промышленный же сектор, отождествлявшийся с собственностью колхозно-кооперативной, – речь идёт о кустарно-промысловой кооперации или кооперативной промышленности, – остался за рамками исследовательского внимания [\[10, 11, 12\]](#). Представляется, что этому есть объективные причины, связанные как с узостью источниковой базы и плохим состоянием её сохранности, конъюнктурными соображениями и состоянием экономической теории, уделявшей первоочередное внимание крупной государственной промышленности, так и низким уровнем производительности и невысокими показателями валового продукта, выпускавшегося кооперативной промышленностью как для мирного советского рынка, так и, – что ожидаемо, – военного «покупателя», что порождало тогда и продолжает порождать поныне скептическое отношение со стороны исследователей к кустпромкооперации. Тем не менее представляется очевидным, что история советского оборонного строительства предвоенных лет в частности и отечественного военно-промышленного комплекса в целом в принципе не сможет обойтись без вовлечения в научный оборот сведений и о таких секторах советской экономики, как кустпромкооперация. Изучение процесса вовлечения кооперативной промышленности как непосредственного участника в военно-промышленное строительство рубежа 1920–1930-х гг. и является целью данной работы.

Данная цель подразумевает выполнение определённых задач, необходимых для её достижения: во-первых, нас интересуют конкретные формы участия кустарно-промысловой кооперации в военно-промышленном производстве; во-вторых, мы должны выяснить, чем руководствовалось хозяйственное и военное руководство страны, считая возможным привлечь промкооперацию к оборонно-промышленной работе; наконец, необходимо понять, какой была специфика участия кооперативной промышленности в военно-промышленном производстве и мобилизационном планировании в указанный период. Учитывая, что в настоящий момент нам необходимо вовлечь в научный оборот принципиально новые источники, посвящённые советской промкооперации как составной части Военно-промышленного комплекса, мы считаем возможным ограничиться описанием основных событий и тенденций по теме военного производства в кооперативной промышленности, подразумевая, безусловно, что по мере накопления фактической базы нам удастся перейти от описательной формы к анализу массовых статистических показателей – впоследствии это позволит выйти за рамки документальных источников и построить модель мобилизационной готовности предприятий советской промкооперации в частности и всей промышленности, специализирующейся на товарах широкого потребления, в целом.

Однако перед тем как мы перейдём к сути рассматриваемых процессов, приведём некоторые исторические сведения, – частью уже вовлечённые в оборот, частью же вовлекаемые впервые, органично подкрепляя уже имеющиеся, – относительно процесса

оформления советского военно-промышленного комплекса, которые дополняют общую картину событий и выступают дополнительным объяснением, почему промкооперация наравне с государственной промышленностью вливалась в единые военно-промышленные процессы. После этого мы рассмотрим основные этапы формирования нормативной базы вовлечения кооперативной промышленности в оборонное строительство, а также приведём некоторые красноречивые прецеденты, связанные с военно-промышленной специализацией советской промкооперации в указанное время, которые органично дополняют нашу работу.

16-го июня 1925 г. председатель правления Главного управления военной промышленности (далее – ГУВП) П.А. Богданов представил председателю ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинскому краткую докладную записку о положении ГУВП, в которой охарактеризовал ситуацию в Военпроме вследствие завершения Гражданской войны и перевода предприятий военной промышленности на мирные рельсы. Среди прочего, главными проблемами Военпрома, вследствие которых своевременное и качественное выполнение производственных программ представлялось невозможным, Богданов называл: изношенность всего промышленного оборудования в результате Первой мировой и Гражданской войн; полуразрушенное состояние заводских зданий, необеспеченность заводов с материальной точки зрения; дезорганизацию работы заводов, упадок дисциплины в среде рабочих, а также утрату опытных инженерных и рабочих кадров [\[13, с. 476\]](#).

Более подробную информацию о результатах работы военной промышленности предоставляет краткий обзор работы Главного управления военной промышленности в 1924/25 г. от 1-го июля 1925 г. Главной проблемой в данной системе, как пишется в документе, является «недогруженность» военно-промышленных предприятий в мирное время и их неспособность, в связи с этим, нарастить необходимые темпы промышленного производства с началом боевых действий. Именно с целью поддержания «в тонусе» военных заводов ещё в 1922-м г. на них размещались производства гражданского характера, родственные по методам изготовления производствам военным [\[13, с. 486\]](#). Как отмечается в обзоре, военная программа за 1923/24 оп.г. была выполнена на 90,7% с «неододелом» (так в источнике. – А.Х.) в 9,3%; программа же за 1924/25 оп.г. – уже на 70,3% вместо ожидаемых 75% [\[13, с. 486\]](#). Главной проблемой невыполнения военных заказов в данных случаях, отмечают авторы документа, является запоздалое предоставление заявок от военных ведомств, что приводило к постоянным пертурбациям на производстве: «Заводам приходилось то развёртывать, то сжимать отдельные производства, прибегая то к найму, то к сокращению квалифицированной рабочей силы, что неизбежно должно было сказаться и на результатах производства» [\[13, с. 487\]](#).

В то же время, попытки «встряхнуть» военную промышленность более насыщенной производственной программой не вели к принципиальному повышению производительности предприятий – такой вывод напрашивается из анализа отчёта ГУВП о работе Военпрома за 1925–1927 гг.; в частности, применительно к результатам 1925/26 оп.г. составители документа свидетельствуют, что военные заводы по-прежнему с трудом выполняли военную программу – она, согласно документу, была выполнена на 75%, при этом степень выполнения мирных заказов определяется в 90%, а военных – в 68%. Причина данной диспропорции заключалась, по мнению составителей отчёта, в нескольких проблемах: отсутствии у заводов опыта работы с привязкой к чёткому плану; задержке в выдаче военных заказов со стороны Военведа; плохих технических условиях

на заводах; наконец, несвоевременности получения сырья для работы [\[14, л. 11-12\]](#). Как мы видим, проблемы в новом операционном году остались те же, что и в 1924/25-м оп.г.

С течением времени отдельно встал вопрос о мобилизации военной промышленности как магистральной линии её функционирования в стране. В этом плане представляет интерес доклад «Подготовка промышленности к мобилизации, задачи Военпромотдела ВСНХ РСФСР и его органов на местах» начальника Военно-промышленного отдела ВСНХ РСФСР и представителя Штаба РККА В.Г. Драгилева от 13-го апреля 1926 г., с которым он выступал на очередном совещании Президиума ВСНХ РСФСР. Суть данного доклада сводится к мысли, которую ранее уже высказывали представители ГУВП в своих докладах и выступлениях – СССР стоит перед перспективой «неизбежной войны с капиталистическими государствами запада». По мнению Драгилева, костяк враждебных СССР сил составят страны-лимитрофы в лице Польши, Румынии и Прибалтийских стран, которые будут иметь непосредственную финансовую подпитку со стороны Франции и Англии; последние, кроме того, с высокой долей вероятности возьмут Советский Союз в блокаду. В этих условиях война будет длительной и разорительной, она потребует напряжения всех сил и средств страны, что «было бы несерьезно думать, что мы сможем её успешно завершить без заблаговременной тщательной и всесторонней подготовки». Таким образом, победа или поражение в грядущей войне будут зависеть от степени заблаговременной подготовки страны к боевым действиям, а также гибкости экономики, её способности к «быстрейшему развёртыванию всего народного хозяйства и в первую очередь промышленности к неослабевающему питанию фронта, при одновременном сохранении жизнеспособности тыла» [\[15, л. 127\]](#).

Далее автор доклада утверждает, что увлечение заблаговременным накопительством запасов также не является гарантией успешной подготовки к войне, поскольку, как показал опыт Первой мировой войны, запасы таких стран как Германия и Франция были израсходованы в первые 2-3 месяца; отсутствие же плана мобилизации промышленности привело к тому, что непрерывность снабжения фронта была нарушена. Кроме того, мобилизационные планы основных стран-участниц войны 1914–1918 г. ограничивались только планом мобилизации промышленности, ж/д-перевозок, стратегического развертывания армии и её снабжения на первый период войны – мобилизация страны в целом не предусматривалась, вследствие чего военная промышленность удовлетворяла потребность армии лишь на 10–15%, в то время как около 90% данной потребности была вынуждена удовлетворять гражданская промышленность [\[15, л. 128\]](#). Таким образом, план мобилизации страны в будущей войне должен держаться на четырёх составляющих: организация и использование вооружённых сил; промышленность; транспорт и сельское хозяйство. Социалистический характер экономики СССР не позволяет в полной мере решить проблему мобилизации страны по причине недостаточной гибкости и консервативности аппарата, а также отсутствия «хоззаинтересованности» предприятий в получении мобзаданий, ответственности и проч. [\[15, л. 124-125\]](#)

Для решения данных проблем, как подытоживает чиновник, необходимо претворить в жизнь следующие меры: организовать мобилизационные органы при региональных СНХ, трестах, заводах и фабриках, добившись содержания их за счёт тех субъектов и органов, к которым они прикомандированы; усилить внимание руководителей местных органов ВСНХ и предприятий к выполнению заданий, спускаемых из центра; заострить внимание руководителей местных органов ВСНХ и предприятий к разрабатываемым планам эвакуации в смысле целесообразного выбора эвакуационных баз и рационального использования вывозимого оборудования и рабочей силы; возложить ответственность за

мобилизационную работу на руководителей соответствующих органов ВСНХ, предприятий и заведений [\[15, л. 122\]](#). Таким образом, уже в середине 1920-х гг., до крупных внешнеполитических пертурбаций и радикальной смены вектора экономического развития в рамках сталинской индустриализации, на уровне теории, основанной на опыте «Первой империалистической», как именовали в те годы Первую мировую войну, и на объективных трудностях хозяйственной ситуации восстановительного периода после Гражданской войны, советские военные и хозяйственники подошли к мысли о необходимости построения принципиально иной системы подготовки советской промышленности к потенциальной войне с противниками СССР – система эта должна была быть основана на заблаговременном планировании мобилизации всего народного хозяйства Советского Союза, поскольку сама по себе военная промышленность на нагрузку в условиях массовой, тотальной войны попросту не могла бы выдержать.

Как известно, своего рода водоразделом в советском военно-промышленном строительстве 1920–1930-х гг. стал 1927 г., отмеченный таким событием как «военная тревога». Связанные с ним происшествия, повлекшие резкое ухудшение отношений с Англией и Францией, а вслед за ними и с подконтрольными им странами-лимитрофами Восточной Европы, породили в Советском Союзе лихорадочную обстановку – лидеры государства и пресса всюду говорили о «нависшей военной угрозе» [\[3, с. 48\]](#). Руководство страны в этой связи всерьёз озаботилось вопросами мобилизационной готовности страны в целом и военной подготовкой Советского Союза к потенциальным боевым действиям в частности; безусловно, первую скрипку в этом деле должна была играть государственная крупная промышленность, в первую очередь военная. Однако партия и правительство к 1928 г. подошли с осознанием важности общегосударственной подготовки экономики к войне, что было невозможно без вовлечения всего народнохозяйственного комплекса в дело оборонного строительства. Ярчайшим свидетельством такого вывода можно признать выступление наркомвоенмора К.Е. Ворошилова от 7-го июня 1927 г. перед рабочими московских заводов в клубе им. В.М. Загорского: «Мы развертываем наше хозяйственное строительство, и темп нашего социалистического строительства таков, что через пять-десять лет мы будем иметь крепко сколоченный хозяйственный организм, которому не будут страшны никакие потрясения. Сейчас война может внести большие трудности в нашу хозяйственную жизнь, если мы не подготовимся как следует быть», – и в этой связи важно заранее сформулировать модель мобилизации промышленности, которая позволит в считанные месяцы перестроить экономику страны на военный лад: «Мы должны уже сейчас точно рассчитать и подсчитать, – резюмировал Ворошилов, – чтобы в случае военных действий мы точно знали, какие отрасли производства сворачиваются, какие разворачиваются, куда перебрасывается рабочая сила, чтобы весь наш хозяйственный аппарат продолжал работать без перебоя...» [\[16, л. 23-23-об\]](#)

Де-юре эти мысли были зафиксированы в выступлении наркома с трибуны XV съезда ВКП(б), в котором он, в частности, весьма объективно и комплиментарно оценил результаты оборонно-промышленных и мобилизационных мероприятий, проводившихся в 1920-е гг. в государствах с мощнейшим экономическим и военно-промышленным потенциалом – Франции, САСШ и Польше [\[17, с. 870-874\]](#). Так, например, Ворошилов высказался относительно результатов пробной мобилизации 1924–1925 гг. в Америке: «В этой мобилизации приняло участие около 17 миллионов человек; она ставила себе целью проверку мобилизационной готовности промышленных предприятий. [...] Председатель Стального треста – судья Гери – и другие крупнейшие капиталисты изображали собой главный индустриальный штаб. Этот индустриальный штаб получал

военные заказы – заявки от военного министерства, от морского и воздушного ведомств и в свою очередь распределял эти заказы промышленности. Была сделана попытка пустить на военный ход всю огромную машину, которая называется индустрией Северной Америки. [...] Факт удачно проведенной репетиции промышленной мобилизации – это яркий показатель того, насколько серьезно и как энергично готовятся к войне в Америке» [\[17, с. 873\]](#).

Итогом всех обсуждений стало принятие 5-летнего плана развития вооружённых сил, который опирался на показатели первого пятилетнего плана. Известно, что первым полноценным мобилизационным планом в Советском Союзе стал план под литерой «А», принятый в конце 1927 г. и основывавшийся на наращивании производственных мощностей уже имевшихся предприятий Военпрома по производству стрелкового оружия, винтовочных патронов, взрывателей и дистанционных трубок, пороха и взрывчатки, а также артиллерийских орудий [\[9, с. 109-111\]](#). Следующим по порядку стал мобплан литеры «С», принятый на 1928/29 оп.г. и имевший ключевую задачу обеспечить поставку 24 млн. артиллерийских снарядов, для чего подразумевалось не только строительство новых военно-промышленных предприятий, но и привлечение к исполнению военных заказов гражданской промышленности как для выпуска полноценных изделий оборонного назначения, – на Сормовском заводе, в частности, должно было быть освоено орудийное производство, – так и для кооперации с военными заводами – например, Тульский оружейный завод должен был в рамках мобплана «С» кооперироваться с Подольским заводом «Госшвеймашины» [\[9, с. 110-112\]](#). Так начиналось мобилизационное планирование в Стране Советов на принципиально новом уровне организации и нормативно-правового регулирования; отметим, что если раньше руководство Военпрома старалось насытить оборонные заводы заказами мирной продукции для оздоровления производственной работы, то теперь заказами, в свою очередь, военных изделий насыщалась уже гражданская индустрия – в интересах Военвеха.

С точки зрения организационной структуры промкооперация в СССР до принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 23-го июля 1932 г. «О перестройке работы и организационных форм промкооперации» была представлена двумя крупными ведомствами – Всесоюзным советом промысловой кооперации и Всероссийским союзом промкооперации, чьи юрисдикции в целом понятны из их названий: первое является оперативно-плановым и организующим органом на уровне всего Советского Союза, а второе – на уровне РСФСР; ниже по иерархии располагались отраслевые объединения Всекопромсоюза, областные промсоветы и областные отраслевые промсоюзы – в рамках последних двух и аккумулировались рядовые единицы кооперативно-промышленной системы в виде промартелей [\[18, с. 13, 16\]](#). О конкретном круге обязанностей Всекопромсоюза и вместе с ним Всекопромсовета можно узнать из официального нормативно-правового акта кооперативного происхождения – Устава Всероссийского союза промысловой кооперации «Всекопромсоюз». Согласно ему, Всекопромсоюз является «центральной организацией промысловой, промыслово-кредитной и трудовой кооперации всех степеней в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», – осуществляя при этом «плановое руководство их организационной и хозяйственной деятельностью и оперативное обслуживание их нужд в целях вовлечения этой отрасли народного хозяйства в общее социалистическое строительство» [\[19, с. 3\]](#).

В это же время кустарно-промысловая кооперация руководством партии и правительства

рассматривалась как составная часть народнохозяйственного организма СССР, призванная, во-первых, выполнять исключительно важную с точки зрения большевиков задачу кооперации кустарей-одиночек и крестьянских масс для организованного кооперированного труда в противовес «частникам», для осуществления «смычки» города и села, а во-вторых, наравне с государственной промышленностью наращивать выпуск товаров широкого потребления в интересах удовлетворения актуальных потребностей советского населения. Об этом вполне конкретно заявлялось на съездах РКП(б)-ВКП(б) в 1920-е гг. «Слабой стороной рабочей кооперации, – констатируется на страницах резолюции XIII съезда РКП(б), – до сих пор является всё ещё недостаточный охват рабочего потребителя и слабая реализация его зарплаты, большую часть которой перехватывает частный рынок. Вот почему первейшей задачей рабочей кооперации при полной поддержке профсоюзов является добиться в ближайшее время добровольного кооперирования всех рабочих и через расширение низовой сети кооперативов и улучшение своей торговой практики добиться того, чтобы рабочий большую часть заработной платы отдавал своему кооперативу за доброкачественные и дешёвые продукты потребления» [20, с. 630]. В целях улучшения материального положения кооператоров система рабочей кооперации может пользоваться такими льготами, как рабочий кредит, удешевление товаров и скидки, «тем самым борясь с различными формами закабаления и спекуляции по отношению к рабочим со стороны частной торговли», – а в целях выведения системы рабочей кооперации на новый уровень необходимо её расширение на «основные рабочие районы»: Донбасс, Урал, Ленинград и Б а к у [20, с. 630]. Позднее экономические задачи промысловой кооперации конкретизировались – резолюция XV съезда ВКП(б) уже прямо провозглашает необходимость «иметь в виду развитие *мелкой местной промышленности* (курсив по источнику. – А.Х.), кустарной и ремесленной, каковая, служа в настоящее время совершенно необходимым дополнением крупной государственной промышленности, способствует изживанию товарного дефицита и смягчению безработицы» [17, с. 1297]. Эта экономическая задача по-прежнему рассматривалась в совокупности с социально-политической – включение кооперативной промышленности «в круг влияния государственных и кооперативных органов», кооперирование и рационализация производства мелких промышленных производителей была необходима для «отвоевания» кустарей и ремесленников «от частного скупщика, раздатчика, ростовщика» [17, с. 1297].

Рис. 1. Валовая продукция государственной промышленности и промкооперации СССР за 4 отчётных года (в млрд.руб.). Источник: [22, рис. 4]

Налицо двойственный характер политики советской власти по отношению к промышленной кооперации: с одной стороны, государство декларировало её поддержку как необходимого народнохозяйственного инструмента, а с другой противопоставляла «частникам и скупщикам», не конкретизируя, на каких принципиально иных основах должны добиваться рентабельности своих предприятий кооператоры. Такое противоречие с течением времени отражалось в изменении соотношения кооперативной и социалистической промышленности в масштабах СССР: согласно статистическому сборнику «Народное хозяйство СССР», на 1928 г. соотношение валового продукта кооперативной и государственной промышленности, т.е. буквально сразу после окончания НЭПа, составляло 14% к 73% [21, л. 43]. Тем не менее, это не противоречило росту промкооперации по всему СССР, о чём красноречиво говорят приводимые ниже данные (см. выше рис. 1).

Применительно к кустарно-промышленной кооперации формирование нормативно-правовой базы по вопросу о мобилизационном планировании и военно-промышленном строительстве плавно началось в 1928-м г. и продолжалось до середины 1930-го г. Хронологически, в общем, данный процесс в кооперативной промышленности шёл почти синхронно с гражданской промышленностью, находившейся в социалистической собственности. 3-го февраля 1928 г. представители мобилизационного органа Наркомата торговли СССР – начальник Центрального моботдела Вашкевич и старший экономист-консультант данного отдела Преображенский направили представителям торгово-кооперативных и торгово-промышленных ведомств, наркомату торговли Хинчуку, председателю правления Центросоюза Любимову и председателю Президиума Союза союзов сельхозкооперации Каминскому, положение о мобработе и мобаппарате потребительской и сельскохозяйственной кооперации, где вкратце обрисовали цели и задачи работы данных видов кооперации в условиях военного времени. Применительно

к потребкооперации этими целями ожидаемо были: снабжение населения страны нормированными промышленными и продовольственными товарами по нормам правительственных органов; снабжение населения теми же товарами в порядке обмена, производство во время войны продуктов питания и предметов ширпотреба отечественной промышленностью (чай, кофе, консервы, мыло и т.п.); внеплановое снабжение частей РККА и Флота на фронте и в тылу по заданиям правительственных органов. Со стороны же сельскохозяйственной кооперации речь шла о снабжении крестьянского населения страны земледельческим инвентарём (тракторы, сельскохозяйственные машины и т.д.), химическими удобрениями и иными предметами материально-технического снабжения [23, л. 3]. Отметим, что впоследствии, 21-го апреля того же года замнаркомвоенмора и председателя РВС СССР И.С. Уншлихт направил в Распорядительное заседание Совета труда и обороны (далее – РЗ СТО) запрос [23, л. 10] с корректировкой положения о мобработе в советской кооперации, намеренно включив туда кооперацию промысловую – судя по документам, это было сделано синхронно Штабу РККА, который на тот период ещё возглавлял Тухачевский. В новой редакции документа в задачи промысловой кооперации входило: организовать помощь промышленности в производстве предметов ширпотреба, «развёртывая производительность своих предприятий до возможного предела», – кроме того, снабжать страну и армию «продуктами обихода и питания в масштабе, устанавливаемом НКТоргом СССР; содействовать изжитию товарного голода, возможного во время войны», – наконец, главное – обеспечивать армию и промышленность, работающую на оборону, предметами военного снабжения в виде готовых изделий и полуфабрикатов в количествах, устанавливаемых ВСНХ СССР [24, л. 1-2-об.]. Так была предпринята первая попытка определения концепции мобилизационной работы в советской промкооперации, которая, однако, не получила на тот момент оформления в виде нормативно-правового акта.

Одновременно с этим мысли о возможности использования потенциала кустарно-промысловой кооперации в военном строительстве высказывались в феврале 1928 г., когда представитель Мобилизационно-планового управления (далее – МПУ) ВСНХ СССР Шпекторов направил в Сектор обороны Госплана СССР объяснительную записку о возможности «широкого использования» кустарной промышленности «или в организованном порядке через промысловую кооперацию, или мобилизуя рабочую силу одиночек-кустарей, путём снабжения их через ту же промысловую кооперацию. [...] кустарная промышленность, – констатировал хозяйственник, – может быть использована в двух направлениях: кустарная промышленность освобождает госпромышленность в однородных отраслях от обслуживания широкого рынка во всех тех случаях, когда госпромышленность должна будет перейти на исключительное обслуживание Красной Армии. Или кустарная промышленность непосредственно удовлетворяет военные нужды по ряду промыслов и производств» [25, л. 21].

С течением времени данные мысли стали находить воплощение в жизни – руководство правительства РСФСР заинтересовалось возможностью использовать промышленные мощности промкооперации, и 29-го ноября 1928 г. вышло постановление СНК РСФСР «О мобилизационной работе Всекопромсоюза», в котором на теоретическом уровне были очерчены обязанности кооперативной промышленности перед народным хозяйством страны в условиях потенциального военного конфликта. Предполагалось, что промкооперация будет:

во-первых, удовлетворять нужды фронта «теми видами продукции, обеспечение которых за счёт государственной промышленности требует постановки новых сложных

производств и связано с крупными затратами, и которые, вместе с тем, доступны к изготовлению силами промкооперации»;

во-вторых, повысит выпуск специальных военных изделий путём изготовления этих изделий путём как кооперирования с государственной промышленностью, так и завершения процесса производства посредством сборки готовых военных товаров;

в-третьих, производить те доступные промкооперации виды продукции, для изготовления которых в требуемых размерах государственная промышленность не располагает достаточной производственной мощностью;

в-четвёртых, производить определённые виды продукции в целях разгрузки основного капитала государственной промышленности, способного быть использованным для более важных и сложных номенклатур;

наконец, промкооперация могла бы принять «широкое участие...в деле доснабжения армии в мобилизационный период», – а также усилить производство предметов ширпотреба «в целях разгрузки государственной промышленности, привлечённой к работе на Армию» [\[26, л. 181\]](#).

Для осуществления перечисленных мер Совнарком РСФСР рекомендовал произвести порайонный учёт имеющихся в настоящий момент и эвентуально необходимых производственных возможностей промкооперации «для удовлетворения во время войны нужд вооружённого фронта, а также и тыла», – кроме того, изучить опыт работы кустарной промышленности во время т.н. Империалистической и Гражданской войн, «имея целью восстановление и развитие тех производств, которые важны для обороны страны», – наконец, усилить работу по привлечению в систему промкооперации т.н. «неорганизованных кустарей» для увеличения производственных возможностей системы и «тщательно изучить» возможность перехода артелей в различных производствах с изготовления продукции мирного времени на выпуск изделий военного назначения или их деталей с целью установления «наиболее тесной связи и сотрудничества промкооперации и государственной промышленности в деле обслуживания нужд Красной Армии во время войны» [\[26, л. 182\]](#).

Помимо директивных указаний, касающихся изучения военно-промышленного потенциала промкооперации, представители правительства также рекомендовали руководству ВСНХ РСФСР усилить внимание к кооперативной промышленности, давая последней т.н. «текущие военные заказы» – ниже мы уточним значение данного понятия; эти текущие военные заказы (далее – ТВЗ) «должны приниматься Всекопромсоюзом на условиях, по кондициям и ценам, установленным для государственной промышленности». Однако на поверхности лежала проблема не столь высокой по сравнению с государственной промышленностью производственной мощности артелей промкооперации, что усложняло их работу на Военное ведомство по общегосударственному преискуранту – Совнарком для решения этого противоречия рекомендовал Всекопромсоюзу провести «рационализирующие производство мероприятия», которые обеспечивали бы снижение себестоимости и цен по военной продукции, производящейся по текущим заказам, а также позволили бы довести качество этой продукции до приемлемых кондиций.

В то же время, следует признать, что правительство старалось учитывать объективные сложности функционирования промкооперации – в том же постановлении мы находим рекомендацию: «При развитии...нерентабельных производств оборонного значения,

освобождающих государственную промышленность от крупных затрат, считать возможным в отдельных случаях выдачу промкооперации государственной дотации», – кроме того, принято было во внимание и то, что качественно обеспечивать фронт и тыл кооператоры смогут только при своевременном и полном снабжении артелей всем необходимым сырьём со стороны государства, поэтому ВСНХ РСФСР и Наркомату торговли РСФСР поручалось «принять необходимые меры к максимальному удовлетворению потребностей промкооперации соответственно перспективным планам расширения производств, намеченных для работы на оборону». Наконец, имелось понимание также и того, что промышленность в условиях боевых действий не сможет функционировать должным образом без бронирования рабочей силы – это было учтено и в случае с промкооперацией, подтверждение чему мы находим в 12-м пункте приводимого нами постановления: «С целью обеспечения на военное время отраслей промкооперации, привлекаемых к работе на оборону рабочей силой, поручить Народному Комиссариату Труда РСФСР, совместно с Всекопромсоюзом и Высшим Советом Народного Хозяйства РСФСР, проработать вопросы укомплектования...отраслей промкооперации рабочей силой, приняв во внимание, как бронирование необходимых кадров, так и развитие ученичества и широкое применение труда женщин и лиц, не подлежащих призыву в Красную Армию». В целом, основным руководящим органом военно-промышленной и оборонно-мобилизационной работы промкооперации был установлен уже не раз упоминавшийся ВСНХ РСФСР [\[26, л. 183–184\]](#).

Спустя некоторое время, 24-го августа 1929 г. вышло распоряжение зампреда СТО Я.Э. Рудзутака, разосланное 27-го августа 1929 г. из секретариата РЗ СТО на имя наркома торговли СССР А.И. Микояна, а также зампреда Реввоенсовета Республики Уншлихта, председателя ВСНХ СССР Куйбышева и начальника Сектора обороны Госплана СССР Мехоношина, в котором рекомендовалось «в 2-х месячный срок, совместно с заинтересованными ведомствами, Госпланом и кооперацией разработать “Положение о мобилизационной работе в потребительской, сельскохозяйственной и промысловой кооперации” (выделено по источнику. – А.Х.)», – в котором, согласно документу, требовалось указать основные сведения относительно военно-промышленных и мобилизационных возможностей кустарно-кооперативной промышленности, предусмотрев «задачи каждого вида кооперации в деле обороны страны и их функции в военное время, порядок руководства их оборонной работой в мирное и военное время и увязку работ отдельных видов кооперации между собой, а также между ними и различными ведомствами» [\[27, л. 1\]](#). Впоследствии 16-го марта 1930 г. председатель правления Всекопромсоюза Д.С. Бейка подготовил и разослал доклад «О состоянии и мобилизационной готовности промысловой кооперации», на котором следует остановиться подробнее, поскольку его содержание во многом даст ответы на вопросы относительно особенностей и проблем функционирования кооперативной промышленности в деле оборонно-промышленного производства.

Сам доклад был довольно большим по размеру, в связи с чем мы перечислим лишь те его пункты, которые по ключевым вопросам представляются наиболее ценными и информативными для нас. Начнём с того, что, согласно Бейке, кустарно-промысловая кооперация как экономическая система успела принять участие в Первой мировой, а также в Гражданской войне; это участие осуществлялось по трём линиям: непосредственная сдача кустарями изделий военного назначения интендантствам, работа неорганизованного купечества и работа через посредничество Земств и Городских управлений. В той или иной форме в Первой мировой со стороны Российской империи принимали участие артели следующих промыслов: кожевенно-обувного, выпускавшего сапоги и прочие виды обуви – в документе упоминается факт получения

Главным Интендантством от кустарей военных сапог количеством в 5 млн.пар на сумму около 50 млн.руб.; овчинно-скорняжного и шорного – последний, например, занимался изготовлением патронтажей, сумок, ремней, сёдел, уздац, ленчиков, кобур, хомутов и др.; металлического, выпускавшего походные кухни, подковы, топоры, шипы, скобы, шанцевый инструмент и т.д.; сапого-валяльного, трикотажного, обозостроительного и других. В дополнение отметим, что мелкая кустарная промышленность как источник товаров военного назначения в период Первой мировой уже рассматривалась в научных трудах советских и современных исследователей – приведём в частности монографию К.Н. Тарновского, в которой имеется ряд любопытных фактов, достойных упоминания: кустарные сельские артели, согласно Тарновскому, не только выполняли целый ряд правительственных заданий напрямую от Главного интендантского управления (далее – ГИУ), – например, артели Боровичского и Валдайского уездов, в которых трудились до 12800 кустарей, уже с сентября по декабрь 1914 г. изготовили свыше 1,2 млн.пар перчаток и около 10 тыс.вязаных фуфаек, а к началу 1917 г. выполнили задания ГИУ на выпуск 6,6 млн.пар перчаток и 250 тыс.комплектов фуфаек и рейтуз, – но и вносили свой посильный вклад в освоение отечественного производства ряда изделий сельскохозяйственного и промышленного назначения: речь идёт об изготовлении сельскохозяйственных кос, ввозившихся до войны главным образом из Австрии, а теперь выпускавшихся кустарно-промысловыми артелями, чьи мощности в Нижегородской, Пермской, Вятской и Владимирской губерниях оценивались в 250 тыс.кос в год; железнодорожных костылей, которые в считанные месяцы с конца 1916 г. к январю 1917 г. Кондашская и Кисовская артели заготовили в количестве 80 тыс. и 45 тыс.шт. соответственно; и хирургических инструментов артелями Павловского сталелесарного района Нижегородской губернии, которых было выпущено в 1916 г. на сумму 63,8 тыс.руб. [\[28, с. 208, 220, 226, 236, 245\]](#)

Аналогичный ассортимент изделий военного назначения производила кустпромкооперация и в годы Гражданской войны – о размахе кооперативного производства в данный период позволяет говорить, например, такой показатель: в 1920–1921 гг. Главное управление по делам кустарно-промысловой кооперации – Главкустпром из общей суммы заготовок в 105 млн.руб. 37,5% из них заготовил для нужд Военведа [\[27, л. 24-24-об.\]](#). Из этих красноречивых фактов Бейка сделал вывод о серьёзных сдвигах в работе данной отрасли экономического развития страны на описываемый момент в сторону большей механизации производства и его усложнения: «Как пример, можно указать на производство металлического промысла таких изделий как хирургические инструменты, требующие совершенно точных расчётов и повышенного качества. Таких примеров очень много и принятые промкооперацией мобилизационные задания и текущие военные заказы достаточно в этом убеждают» [\[27, л. 27\]](#), – резюмирует данную часть доклада Бейка.

В процитированном выше отрывке документа приводятся важные термины, которые уже неоднократно встречались в нашей работе – речь идёт о «мобилизационных заданиях» или мобзаданиях, которые в свою очередь будут тесно связаны с понятием мобилизационного плана – мобплана, а также «текущие военные заказы» – ТВЗ. Мобпланы и мобзадания являлись ключевой формой оценки мобилизационной готовности отдельно взятого предприятия и наркомата/ведомства в целом, а ТВЗ, согласно тексту доклада Бейки, должны были оценить «реальность» даваемых мобзаданий – здесь он даёт отсылку на постановление Совнаркома РСФСР: «В целях проверки производственной реальности даваемых мобилизационных заданий, предложить ВСНХ обеспечить в необходимых размерах систему промкооперации

текущими военными заказами» [27, л. 19]. Кроме того, ТВЗ являлись одним из ключевых источников мобилизационных запасов и военной продукции в мирное время для промышленности, так или иначе вовлечённой в работу на укрепление обороноспособности страны. Как пишет в докладе Бейка, загрузка системы промкооперации мобзаданиями за последние полтора года представлена следующими показателями (см. таблицу 1).

Таблица 1. Динамика валового продукта (производство) к заданиям по мобплану лит. «С» за 1-е полугодие и год войны (в тыс.руб.)

Промыслы	Валовой продукт во II полугодии 1928/29 г.	Принятые мобзадания в 1-м полугодии войны	Валовой продукт 1929/30 г.	Принятые мобзадания в установленный год войны
Металлический	49625,0	13257,0	158377,0	31457,0
Текстильно-трикотажный и пенько-верёвочный	119569,0	10404,0	492623,0	22310,9
Кожевенный	68453,0	15492,0	261741,0	35797,6
Сапого-валяльный	18383,0	166,0	56192,0	323,0
Разные	38414,0	4331,0	71013,0	7398,0
Итого:	294449,0	43650,0	1039946,0	97197,0

Источник: [27, л. 19]

На основании приведённых цифр автор документа констатирует, что общая нагрузка мобзаданиями «показывает недоучёт возможностей промкооперации и противоречит постановлению СНК РСФСР от 29.11.28 г., где в пункте 10 говорится: “Предложить ВСНХ в очередном мобилизационном плане загрузить систему промкооперации в достаточной мере мобилизационными заданиями, пересмотрев с этой точки зрения номенклатуру изделий госпромышленности”» [27, л. 19]. После этого он приводит новые числовые показатели для сопоставления мобзаданий и ТВЗ (См. таблицу 2).

Таблица 2. Соотношение мобилизационных и иных правительственных спецзаданий к ТВЗ за 1929/30 оп.г. (в тыс.руб.)

Промыслы	Стоимость полученных мобзаданий и правительственных заданий	Стоимость ТВЗ	В %% к мобзаданиям
Металлический	30840,0	8000,0	25
Кожевенный	35612,0	3000,0	8
Текстильный	21667,0	17167,0	79
Верёвочный	399,0	250,0	62
Войлочный	322,0	-	-
Деревообделочный	3643,0	-	-
Разные	4425,0	150,0	3

Итого:	96909,0	28567,0	29,4
--------	---------	---------	------

Источник: [\[27, л. 19\]](#)

По итогу данной части доклада делается вывод об отсутствии соответствующих требованиям ТВЗ «даже по таким (изделиям. – А.Х.) как ручные гранаты, а по другим они весьма незначительны» [\[27, л. 19\]](#). Таким образом, если мобпланы ставили цель провести пробную мобилизацию предприятия, его перевод на военные рельсы, а также накопление мобилизационных ресурсов в интересах армии и флота, то ТВЗ являлись своего рода пробным шаром, который должен был выявить возможности для выполнения мобзаданий и вовлечения советской промышленности в мобилизационную подготовку; кроме того, они должны были осуществлять пробный переход к выпуску той или иной принципиально новой единицы военного назначения.

Судя по тому же докладу Бейки, промкооперация на момент подготовки данного документа уже была вовлечена в мобплан под литерой «С», который был принят СНК РСФСР от 29-го ноября 1928 г. Согласно данному плану, на первое полугодие года войны мобзадание по промкооперации составляло 43650 тыс.руб., а на «установившийся год войны», т.е. 1928/29 оп.г. – 97197 тыс.руб. Это оказывает относительно небольшую нагрузку на промышленность – 49,1% по всем промсоюзам на текущий момент, однако применительно к валовому продукту 1928/29 г. этот процент составит 32–33%, а к валовому продукту 1929/30 г. – не больше 18–20% [\[27, л. 13\]](#). Тем не менее, несмотря на относительно невысокий удельный вес мобзаданий и, казалось бы, отсутствие сложностей с их выполнением, их осуществление резко усложнялось проблемами с поставками сырья и полуфабрикатов для выполнения мобзаданий и ТВЗ: «Сырьё отпускается с большими урезками, оттягиваются сроки его поставки и, наконец, отпускаемое сырьё очень часто неудовлетворительно по качеству. Всё это срывает и тормозит исполнение текущих военных заказов и вынуждает ВСПК к длительным и часто безрезультатным перепискам и переговорам» [\[27, л. 19\]](#).

Применительно к работе в рамках мобплана Бейка констатировал наличие «определённого сдвига» в системе промкооперации в отношении необходимости более серьёзного и ответственного отношения промкооперации к мобилизационной работе. «... необходимо отметить, – пишет Бейка, – что, если в общем мобплан лит. “С” можно считать реальным, всё же в настоящее время выявлены отдельные номенклатуры по мобзаданию, выполнение которых не проработано и СМП (сектором мобилизационного планирования. – А.Х.) ВСПК приняты соответствующие меры к их выполнению» [\[27, л. 23\]](#), – среди же ключевых проблем в этом деле, помимо сырья, он назвал, во-первых, слабое или в принципе отсутствующее руководство со стороны местных СНХ и исполкомов, «которые должны осуществлять контроль за всей мобработой промкооперации», – и во-вторых, отсутствие чертежей и технических описаний по полученным от ВСНХ мобзаданиям [\[27, л. 23\]](#). Всё же, не ограничиваясь сугубо рамками работы по мобпланам, автор доклада позитивно оценивал потенциал промартелей в деле военно-промышленного производства, приведя подробную статистическую выкладку по размерам выпуска продукции оборонного значения «в порядке ассимиляции» на 1929/30 оп.г. Кратко перечислим их: по металлической отрасли, выпускавшей изделия «узко-оборонного значения», мы находим чугунные ручные гранаты (5,8 млн.шт.), 10-см бомбы (576 тыс.шт.), ружейные гранаты (432 тыс.шт.), походные военные кухни (840 шт.), окопные бездымные печи (9600 шт.), хирургические инструменты (на 390 тыс.руб.), корпус для морских мин (4 тыс.шт.), головки для снарядов (204 тыс.шт.), части пулемёта

«Максим» (4 тыс.шт.), мины сухопутные (220 тыс.шт.), мины окопные «Дюмизеля» (12 тыс.шт.) и т.д. [\[27, л. 11-об.\]](#)

Помимо этого, в том же формате промкооперация по металлическому промыслу, по данным Бейки, могла перейти к изготовлению и целого ряда других изделий для обслуживания тыла, таких как пряжки для вещмешков (1200 тыс.шт.), хозяйственный всякий (2157 тыс.шт.), косяки для армейской обуви (12 млн.шт.), ланцетов и пинцетов (24 тыс.шт.), капсюльных втулок (720 тыс.шт.), горнов военных переносных (4 тыс.шт.), т.н. «бинтов по металлу» (120 тыс.шт.) и др. Выпуск по трикотажной отрасли ожидаемо подразумевал поставки в действующую армию шинелей (2613 тыс.шт.), рубах летних (1482 тыс.шт.), шаровар (1091 тыс.шт.), телогреек (553 тыс.шт.), пальто ватных (4 тыс.шт.), а также головных уборов, элементов постельного белья, сумок, чехлов и др. По кожевенной отрасли предполагался выпуск: сапог походных для красноармейцев, комсостава и кавалеристов и ботинок военных общим числом в 5 тыс.пар, туфель госпитальных в 269 тыс.пар, чуваков (288 тыс.пар), кожаных тужурок (189 тыс.шт.), сумок санитарных (4 тыс.шт.), портупей (46 тыс.шт.), кобур револьверных и рулеточных (44 и 140 тыс.шт.) и др. Наконец, шорно-седельный промысел применительно к нуждам армии, флота и иных силовых ведомств предполагал выпуск упряжи парной и одноконной (90,6 и 657 тыс.компл.), сёдел кавалерийских и казачьих (10 и 87 тыс.шт.), сбруи конской (5 тыс.компл.), снаряжения комсостава милиции (20 тыс.компл.), ремней разных (151 тыс.шт.), полок для седел (60 тыс.шт.), хомутов (20 тыс.шт.), шлей (65 тыс.шт.), седелок (66 тыс.шт.), гужей (529 тыс.шт.) и др. [\[27, л. 11-об-12\]](#) Для большей наглядности приведём ниже карту (см. рис. 2), выполненную нами в программном пакете QGIS, на которой в пространственном разрезе видна условная специализация кооперативной промышленности регионов РСФСР в деле военного производства.

Распределение военных заказов по приводимым на карте регионам представляется логичным, поскольку именно они с дореволюционных времён, во-первых, были одними из ключевых центров кустарно-ремесленного производства, и во-вторых, специализировались по тем промыслам, которые позволяли с технологической точки зрения выпускать требуемую продукцию для нужд армии. Свидетельство этому можно найти, например, в профильном исследовании Я.Я. Полферова от 1913-го г., посвящённом кустарной промышленности в России: автор упоминает, среди прочих, металлообрабатывающий и кожевенный промыслы, по которым специализировались кустари, в первом случае, Московской и Нижегородской губерний, а во втором – Казанской и Московской губерний, а также Кавказа. Применительно к текстильному производству в этой же работе упоминаются шерстяные промыслы Терской области и Курской губернии, – последняя относилась на рубеже 1920–1930-х гг. к Западной области, – а также льняной и ткацкий промыслы Тверской губернии, шёлковое производство Московской и Тверской губерний, суконный промысел Кавказа [\[29, с. 8-11\]](#).

Карта специализации кустарно-промысловой кооперации Европейской части России по военным производствам, 1930 г.

Рис. 2. Карта специализации кооперативной промышленности Европейской части РСФСР на 1930 г.

Кустарная специализация московского региона хорошо демонстрируется разделением числа кустарей по профилю: наибольшее количество из них, 194214 чел. из 354079 чел. – или 54,7% – работали в текстильной и швейно-трикотажной отраслях, 42912 чел. или 12,1% трудились в кожевенно-меховой отрасли и 31103 чел. или 8,7% занимались обработкой металла; кроме того, 6343 чел. – 1,7% – специализировались на обозостроении [18, с. 8]. Очевидно, что приведённую на карте модель разделения труда на нужды обороны страны в случае со столичным регионом предлагала сама история московских кустарей в дореволюционный период. Северный Кавказ как край с развитым в нём кустарным производством заслуживает отдельного внимания – в частности, в одной из специализированных работ 1917-го г., посвящённых истории кустарной промышленности в России, Кавказский регион описывался так: «...отсутствие путей сообщения; недостаток пахотной земли; долгие, суровые зимы в горах; отсутствие развитой фабрично-заводской промышленности; обилие сырого материала, – всё это способствовало развитию кустарного производства настолько, что едва ли будет преувеличением, если сказать, что Кавказ – один из наиболее густо населённых кустарями уголков России. [...] на Кавказе [насчитываются] более сорока видов кустарных промыслов. Все промыслы можно разбить на классы: / Обработка шерсти, металлов, кожи, дерева, камня, глины» [30, с. 212].

Не менее интересны металлические промыслы Нижегородской губернии Российской империи и одноимённой области в составе РСФСР – павловские артели и иные соседствовавшие с ними кооперативы были известны на всю страну целым рядом изделий из металла, выпускавшихся из их цехов с самого начала XX в.: замками,

вилками и давками, ножами и ножницами, топорами, рыболовными крючками, гвоздями и многим другим [\[31, с. 11-13\]](#). В период Первой мировой, а затем и Гражданской войн мастерство нижегородских кустарей не теряло актуальности – теперь у них имелся стабильно заинтересованный военный потребитель, которому требовались лопаты, кусачки для резки проволочных заграждений, хирургические инструменты, а также карманные ножи, бытовые ножницы и многое другое [\[32, с. 97\]](#). Историческую преемственность можно обнаружить и в кожевенной специализации Татарской АССР – в дореволюционный период Казанская губерния рассматривалась как профилирующая, среди прочего, по рогожно-кулеткацкому, обозному, сапожному и сапоговаляльному промыслам. На территории советской Уральской области во времена Российской империи, среди прочих, располагалась Пермская губерния, применительно к которой авторы специализированных исследований констатировали недостаток сведений о кустарной промышленности, но из имеющихся в распоряжении данных делали вывод, что на губернской земле распространение получили промыслы, связанные с обработкой дерева, животных продуктов, а также металлический промысел и различные иные смешанные промыслы. Можно заметить, что новым по специализации стал металлический промысел в Ленинградской области, поскольку, если верить материалам подворной переписи кустарной промышленности Санкт-Петербургской губернии 1899–1901 гг., наибольшее количество кустарей работало в деревообрабатывающем промысле (6914 чел.), промысле по обработке волокнистых веществ (5871 чел.) и обработке кожи (3271 чел.), в то время как обработка металла была профилем для всего 1782 чел. из 21855 чел. губернских кустарей [\[30, с. 170, 180-186\]](#).

Таким образом, практически во всех случаях специализация советской промкооперации на выпускаемых военных изделиях была обоснована имевшимися ранее дореволюционными производственными традициями, но в некоторых случаях, – как, например, с Ленинградской и Западной областями, – мы наблюдаем тенденции к освоению кооператорами новых промыслов, вызванную в т.ч. возникновением кооперативной промышленности на этих территориях на принципиально новой основе.

В общем и целом, Бейка считал состояние промысловой кооперации дающим основание полагать, что «в настоящее время она (кустарно-промысловая кооперация. – А.Х.) в достаточной степени подготовлена к реальному обслуживанию нужд вооружённого фронта и тыла» [\[27, л. 27\]](#).

По результатам обсуждения данного доклада вышло совершенно секретное постановление Совнаркома РСФСР от 30-го марта 1930 года, в котором констатировался «значительный рост удельного веса её (промкооперации. – А.Х.) в общехозяйственной жизни страны». Как указано в документе, промысловая кооперация «восстановила главнейшие промысла, имеющие значение для обороны страны, увеличила ассортимент изделий, годных для удовлетворения нужд обороны, приступила к изучению возможности ассимиляции оборудования», – что даёт основание использовать артели данной системы в период боевых действий «для удовлетворения нужд фронта и тыла» [\[33, л. 158\]](#). В то же время объективно признавался и ряд ключевых изъянов в работе кооперативной промышленности на оборону страны – все они в основном группируются по нескольким направлениям: неудовлетворительное выполнение промсоюзами ТВЗ создаёт «неуверенность в возможности для промкооперации быстро перейти на производство изделий по мобилизационным заданиям»; «пестрота сроков развёртывания» промсоюзами производств по одним и тем же номенклатурам мобзаданий и длительность этого развёртывания в принципе ставят под угрозу срыва

помесячные планы поставки готовой продукции в действующую армию; слабое внимание и недоучёт значения мобработки со стороны руководящего состава Всекопромсоюза и нижестоящих промсоюзов, текучка кадров, а также в принципе отсутствие в мобилизационном аппарате Всекопромсоюза квалифицированных технических сил, вследствие чего вопросы технической постановки и реорганизации производств для обороны страны не получают должного освещения; упоминается также проблема «потребительского отношения» к военным заказам, выражающегося в стремлении промкооперации к получению ряда выгод в плане «чрезмерного увеличения отпуска сырья, средств финансирования и т.д.»; наконец, с технологической точки зрения не получил освещения вопрос суррогатирования и возможности перехода работы промкооперации на недефицитное сырьё [\[33, л. 159\]](#). Для качественного улучшения функционирования кооперативной промышленности Совнарком РСФСР постановил, помимо сугубо технических и материальных вопросов накопления мобзапасов и получения в приоритетном порядке требуемого сырья, закончить учёт военнообязанных кустарей, работающих в общих мастерских, и выяснить размеры средств для расчётов с уходящими по мобилизации в армию посредством выходного пособия; кроме того, особенно важным с формально-юридической точки зрения представляется то, что Наркомату торговли РСФСР всех кустарей-работников промартелей, «работающих в общих мастерских и выполняющих задания для нужд обороны», было предложено приравнять в отношении продовольственного снабжения к рабочим, отнеся их к 1-й категории [\[33, л. 161, 163\]](#).

Присоединение кустарно-кооперативной промышленности к военно-промышленному производству и мобилизационной подготовке не могло не сопровождаться вопросами, связанными, помимо поставок сырья и иных элементов материально-технического обеспечения, с проблемами оплаты труда, уплаты налогов и начисления прибыли за военные заказы промыслово-кооперативным артелям. 29-го апреля 1930-го г. в Совнарком СССР был направлен запрос заместителя наркомвоенмора Союза Уншлихта по вопросу об отмене промыслового налога (далее – промналога), «который, в целях сокращения военного бюджета, снят с Гос.промышленности – при выполнении ею таких же заказов (военного назначения. – А.Х.)» [\[34, л. 8\]](#), – писал Уншлихт. Известно, что советская налоговая система в 1920-е гг. вплоть до первой половины 1930-х гг. была многоуровневой, включая в себя целый ряд видов налоговых сборов – одним из них и был т.н. промысловый налог, впервые принятый в 1921 г. и обновлённый постановлением ЦИК и СНК СССР от 10-го августа 1928 г. «О введении в действие Положения о государственном промысловом налоге». Согласно закону, промналогом облагались обороты предприятий и организаций – государственных, кооперативных и частных – за отчётный окладной год; размер налога определялся в процентном отношении к обороту согласно процентной ставке деления предприятий/организаций на 16 категорий. Так, например, для товарных оборотов налог определялся по сумме валовой выручки по продаже товаров; для оборотов промышленных предприятий, занимающихся производством изделий из чужих материалов, сумма валовой выручки, не считая стоимости чужого материала; для оборотов нетоварного характера – сумма валовой выручки в целом [\[35, с. 5, 7\]](#). Как отмечает военный, ранее Всекопромсовет уже возбуждал ходатайство об освобождении промкооперации от промналога по военным заказам, причём это начинание кооператоров было поддержано Военведом, – однако Подготовительная комиссия СНК СССР 20-го апреля того же года отклонила данное ходатайство по причине того, что представитель Наркомфина СССР заявил, что «оплата промналога вошла уже в цены на продукцию, поставляемую Промкооперацией Военведу, и сметные ассигнования исчислены, исходя из этих цен, почему снятие названного

промналога явилось бы дополнительным ассигнованием средств Военному Ведомству» [\[34, л. 8\]](#). Тем не менее Уншлихт отметил, что данное заявление чиновников Наркомфина не соответствует действительности, так как промналог не включен в расчётные цены, по которым Военвед расплачивается за поставляемую для РККА государственной и кооперативной промышленностью продукцию; причём Военвед даже не имел сведений об установленных ставках промналога, например, на текстильные изделия в размере 17,5%. В этой связи главной причиной повторного вынесения на обсуждение совместного предложения кооператоров и военных было то, что Военведу оплата промналога по заказам на тот же 1929/30 оп.г. обошлась бы дорого – на один лишь заказ на шерстяные перчатки эта сумма составила бы 200 тыс.руб., а кроме этого, наличие этого налога поставило бы перед Военно-хозяйственным управлением РККА задачу дополнительных калькуляций цен отдельно для госпромышленности и отдельно – для промкооперации [\[34, л. 8-8-об.\]](#). Важно отметить, что для предприятий самой кооперативной промышленности, занимающейся, в частности, нетоварными операциями, данный промналог был убыточным и даже, выражаясь словами из документа, «нецелесообразным и могущим задержать развитие ряда нетоварных операций, имеющих весьма существенное значение для народного хозяйства, как то, транспортная кооперация, ремонтные и починочные организации и др.» [\[36, л. 33\]](#) – и снятие промналога с той или иной артели, которой мог быть поручен заказ на ремонт военной одежды или снаряжения, без сомнения положительным образом сказалось бы на её хозяйственной деятельности и процессе выполнения правительственного задания.

В конечном итоге предложение Уншлихта было услышано, и вскоре ЦИК и СНК СССР постановили изменить перечень льгот по государственному промысловому налогу и изложить новый их вариант в следующем виде: «Освобождаются от налога обороты по операциям государственных предприятий и промыслово-кооперативных организаций по производству предметов всех видов снабжения Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [\[34, л. 9\]](#). Таким образом, по вопросу о промналоге кооперативная промышленность была уравнена в правах с государственной, что позволяет делать вывод о наличии доверия со стороны руководства Наркомвоенмора и государства по отношению к промкооперации.

Несколько иная ситуация возникла по вопросу о возможности извлечения промыслово-кооперативными предприятиями прибыли за военные заказы: 12-го октября 1930 г. Военно-хозяйственное управление обратилось в Совет труда и обороны по вопросу о возможности установления для промкооперации прибыли в размере до 6% вместо имеющихся 3%, предусмотренных постановлением СТО ещё от 17-го декабря 1924 г., при выполнении военных заказов. ВСНХ СССР в прениях по этому вопросу настаивал на сохранении лишь 3%, и военные поддержали коллег по народно-хозяйственному комплексу: «Военно-Хозяйственное Управление РККА, связанное с Промкооперацией большими военными заказами и исчислявшее по этим заказам прибыль лишь в 3%, считает необходимым также присоединиться к названному выше ходатайству ВСНХ, почему...просит об его утверждении» [\[34, л. 11-11-об.\]](#), – пишет замнаркомвоенмора С.С. Каменев, автор данного обращения. В итоге 12-го ноября того же года на совещании Управления делами СНК СССР Я.Э. Рудзутак, автор обращения во Всекопромсовет по итогам обсуждения данного вопроса, занимавший в это время должность зампреда СТО, заявил, что «выявилась нецелесообразность принятия предлагаемого Всекопромсоветом проекта постановления об установлении 6%-ной накладки на себестоимость изделий, изготавливаемых промкооперацией для Военведа» [\[34, л. 15\]](#). По-видимому, руководство промкооперации, учитывая вал имевшихся проблем,

попытался несколько облегчить своё положение возможностью извлечения более высокой прибыли из военно-промышленного производства – не исключено, что такую попытку оно предприняло на почве ранее удавшегося смягчения условий своей работы в интересах Военведа; тем не менее, у представителей Наркомвоенмора были свои, не менее логичные с позиции их ведомственных интересов обоснования необходимости сохранения статус-кво: экономия средств, достигаемая отменой промналога на военную продукцию промкооперации, могла быть дезавуирована необходимостью т.н. «накидок» на цены военных товаров. В итоге Военвед оставался в плюсе – промкооперации же не оставалось иного, как рассчитывать на свои силы. Как показывает дальнейшая история, рассчитывать только на себя кооператоры были вынуждены практически всегда.

Нависшая над Советским Союзом «военная тревога» 1927 г. вкпе с победой Сталина во внутрипартийной борьбе, следствием которой стало претворение в жизнь концепции построения социализма в отдельно взятой стране, формировали с точки зрения мироощущения и у советских элит, и у широких народных масс психологию осаждённой крепости, которая во имя своего выживания должна приложить максимум усилий для заблаговременной подготовки к периоду лихолетья. На сегодняшний момент вопрос о том, насколько эти взгляды соответствовали имевшим место реалиям, остаются дискутируемыми в среде историков.

Тем не менее, необходимо признать, что оформление концепции мобилизационной подготовки советской промышленности в частности и всего народного хозяйства СССР в целом являлось, пусть подчас гиперболизированной, но моделью подготовки к войне, которая во многом оправдала себя в будущих конфликтах, исключительное место среди которых занимает в отечественной истории Великая Отечественная война. Тотальная мобилизация экономики, включая мелкие предприятия кооперативной промышленности, была во многом теоретически сформулирована и апробирована именно на рубеже 1920–1930-х гг.

Как показал проведённый нами анализ, советская промкооперация наравне со всей промышленностью участвовала в военном производстве по двум вариантам: выполняя мобилизационные задания в русле принимаемых СТО мобпланов, а также включаясь в выпуск военной продукции по ТВЗ. На конец 1920-х гг. промкооперация была привлечена к выполнению мобилизационных заданий по мобплану лит. «С», одному из первых в стране планов перехода экономики на военные рельсы; мобзадания и ТВЗ, порученные артелям кооперативной промышленности, включали в себя изготовление целого ряда товаров военного назначения: производство боеприпасов и их элементов как правило проходило в ассимиляции с предприятиями государственной промышленности, а выпуск военного обмундирования и снаряжения был по силам самой промкооперации. Ключевыми регионами военного производства промкооперации были Московская, Западная, Ленинградская и Нижегородская области, а также Северный Кавказ, Урал и Татарская АССР – их военно-промышленная специализация была обусловлена особенностями товарного производства для массового потребления в мирное время.

Изученные нами материалы свидетельствуют, что в стремлении привлечь кооперативную промышленность России и СССР руководство ВСНХ, Госплана и СТО исходило из опыта Первой мировой и Гражданской войн, когда различные предприятия промысловой кооперации так или иначе обеспечивали Русскую императорскую и Красную армии изделиями военного назначения. Нельзя не отметить, что промкооперация на уровне

высших нормативно-правовых актов получала сопоставимый с государственной промышленностью статус, выражавшийся в продовольственном обеспечении рабочих общих мастерских по 1-й категории, в выделении кредитов от государства на подъем нерентабельных производств, в поставках сырья и полуфабрикатов для обеспечения бесперебойного снабжения фронта и тыла, в бронировании рабочей силы на предприятиях на случай боевых действий, а также в отмене промыслового налога на военное производство; тем самым кустарно-промысловая кооперация СССР вливалась в Военно-промышленный комплекс и становилась самым непосредственным участником оборонного строительства в Советском Союзе.

Представители самой промкооперации в целом считали производственные возможности своей системы вполне пригодными для работы на оборону страны и выполнения государственных заданий по мобпланам и текущим военными заданиям, заостряя внимание на регулярно имевших место случаях невыполнения государственными органами и предприятиями обязательств по поставкам сырья, научно-технической документации, а также на необходимости со стороны Военного ведомства и руководства народным хозяйством СССР выдачи в срок заданий в целях грамотного планирования производства в промартелях. В дальнейшем мы сможем наблюдать усиление военно-ориентированной составляющей в производстве промкооперации – она будет включена практически во все мобилизационные планы, принимавшиеся в советской промышленности вплоть до начала Великой Отечественной войны; помимо этого, с технической будут усложняться задания на военную продукцию, что позволит с началом боевых действий включать промартели в военно-производственные кусты наравне с предприятиями крупной государственной промышленности.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8418. Оп. 16. Д. 3.
2. Бокарев Ю.П. Создание учреждений мобилизационной военной экономики в СССР // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 188-199;
3. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 296 с.;
4. Мелия А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941). М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 352 с.;
5. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / И.В. Быстрова; Российская акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.; EDN: PYIKPR.
6. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) / О.Н. Кен. Изд. 2-е, перераб. М.: ОГИ, 2008. 512 с.
7. Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. / А.К. Соколов. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.; EDN: QPWZFB.
8. Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 504 с.; EDN: TMZQUH.
9. Ким С.П., Мухин М.Ю. Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 274 с.;
10. Алимпиева Т.Г. Промысловая кооперация на Урале в 1928–1934 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. Челябинск, 1996. 334 с.; EDN: NLHYXV.
11. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920-середина 1930-х гг.). Дисс. ... д. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. Новосибирск, 2000. 362 с.; EDN: UAGOTZ.
12. Аксарин В.В. Деятельность кооперации на севере Западной Сибири в 1917–1940 гг.

- Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. Тобольск, 2006. 207 с.; EDN: NOIZPT.
13. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР (1900–1963). Т. II: Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.): Сборник документов. Под ред. В.А. Золотарёва; Сост. Т.В. Сорокина и др. М.: "Новый Хронограф", 2005. 770 с.
 14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 618.
 15. РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 543.
 16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 1. Д. 138.
 17. XV Съезд ВКП(б): Стенографический отчёт. М.-Л.: Политиздат, 1928. 1416 с.
 18. Промысловая кооперация Московской области: сборник материалов под ред. И.Н. Попова. М.-Л.: КОИЗ, 1934. 63 с.
 19. Устав Всероссийского союза промысловой кооперации "Всекопромсоюз". М.: Издание РИО Всекопромсоюза, 1929. 30 с.
 20. Тринадцатый съезд РКП(б): май 1924 года. Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963. 883 с.
 21. Народное хозяйство СССР за 1913–1955 гг.: краткий статистический сборник / РГАЭ. Ф. 1562 Оп. 33 Д. 2310.
 22. Промысловая кооперация СССР за 10 лет. Сборник диаграмм за 1922–1932 гг. Сост. В.В. Гнусовым и И.П. Чернышевым. М.-Л.: КОИЗ, 1932. 75 л.
 23. ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 2. Д. 23.
 24. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 2. Д. 410.
 25. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 268.
 26. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 1871.
 27. РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1052.
 28. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 267 с.
 29. Полферов Я.Я. Кустарная промышленность в России (опыт экономического обследования). СПб.: Мин-во Финансов, 1913. 39 с.
 30. Промысловая Кооперация и Кустарь. Сост. Г.П. Петров. Часть I. М., 1917. 462 с.
 31. Изделия кустарной промышленности Нижегородской губернии. СПб.: Типография Г.А. Бернштейна, 1902. 27 с.
 32. Пажитнов К. Пути развития Павловского района / Павлово. Сборник. М.: КОИЗ, 1931. 112 с.
 33. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 2617.
 34. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1178.
 35. Новый закон по промналогу: постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 10 августа 1928 г. М.: Изд. Мосфинотдела, 1928. 39 с.
 36. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 12. Д. 1388.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является процесс интеграции кустарно-промысловой кооперации (промкооперации) в систему оборонного производства и мобилизационного

планирования СССР на рубеже 1920-1930-х годов. Автор не ограничивается констатацией факта участия кооперативов в выполнении военных заказов, а ставит более глубокую цель: выявить формы, механизмы и специфику этого участия, а также мотивы советского руководства, решившего задействовать данный сектор экономики в военных целях. Сформулированная цель подкреплена конкретными задачами: анализ нормативной базы, выявление номенклатуры военной продукции, оценка производственных мощностей и проблем кооперативов.

Методологическая основа работы является комплексной. Ведущим является историко-генетический метод, позволивший автору проследить эволюцию роли промкооперации от дореволюционного периода через Гражданскую войну к рубежу 1920-1930-х гг. Убедительно используется сравнительно-исторический метод: сравнение подходов к мобилизации в СССР и за рубежом, а также сопоставление потенциала государственной и кооперативной промышленности. Источниковая база исследования является обширной. Автор привлекает архивные материалы из ГАРФ, РГАЭ, РГВА и РГАСПИ многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Статистические данные, представленные в таблицах, и карта специализации, усиливают доказательную базу и наглядность исследования.

Актуальность работы не вызывает сомнений. Она вписывается в современный тренд исторической науки, направленный на изучение «тотальной мобилизации» и механизмов функционирования мобилизационных обществ. Исследование вносит вклад в дискуссию о природе советской экономики, демонстрируя, что ВПК с самого начала формировался как гибридная система, включавшая не только гиганты государственной промышленности, но и децентрализованные структуры кооперации.

Научная новизна проявляется во введении в оборот новых источников; проблемной новизне (автор фокусируется на «белом пятне» историографии, которым долгое время была кооперативная промышленность); конкретизации понятийного аппарата; региональном разрезе (создание карты специализации кооперативной промышленности Европейской части РСФСР позволяет визуализировать и проанализировать географию военного производства в кооперативном секторе).

Статья отличается ясным, академическим стилем изложения, соответствующим требованиям научного журнала. Структура логична и последовательна. Содержательная часть насыщена фактами и доказательна. Автор не просто констатирует факты, но и анализирует причины проблем кооперативов: несвоевременное обеспечение сырьем, отсутствие чертежей, слабое руководство со стороны местных органов, вопросы налогообложения и рентабельности. Это создает сбалансированную картину, лишенную идеализации.

Библиография обширна и включает как фундаментальные труды по истории советского ВПК, так и специализированные работы по кооперации и региональной истории. Для дальнейшего развития темы автору можно порекомендовать обратить внимание на работы, посвященные сравнительному анализу мобилизационных моделей в других странах.

Автор учитывает потенциальные контраргументы, в частности, скептическое отношение к реальному вкладу промкооперации в оборону ввиду ее скромных, по сравнению с государственной промышленностью, валовых показателей. На это автор приводит веский контраргумент: ценность кооперации заключалась в ее гибкости, способности к разгрузке государственных предприятий от массовой, но технологически простой продукции.

Выводы статьи логично вытекают из проведенного исследования и являются обоснованными. Автор убедительно показывает, что к началу 1930-х гг. промкооперация стала полноценным элементом формирующегося ВПК.

Статья вызовет интерес у историков советской экономики, специалистов по военной истории, исследователей сталинизма и модернизационных процессов, а также у всех, кто изучает механизмы адаптации экономических систем к экстремальным условиям.

Статья соответствует критериям научности, обладает высокой степенью оригинальности и вносит существенный вклад в отечественную историографию. Незначительные замечания носят рекомендательный характер и не умаляют достоинств работы. Статья рекомендуется к публикации.